

НИМИТЪКИ НИКОГО НЕ ХОТЯТ ПОБЕДИТЬ

МИТЬКА
ГАЗЕТА

№ 3

1992

ЭТОТ

НОМЕР ТОЖЕ СТАЛ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕДКОСТЬЮ.

МУЗЫКА В. АГАПИНА "ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ"

ГИМН МИТЬКОВ

СЛОВА Д. ШАГИНА, О. ФЛОРЕНСКОЙ

МЫ ПРОСНУЛИСЬ С ТОБОЙ ПОСЛЕ ПРАЗДНИЧКА,
ОТТЯНУЛИСЬ ВЧЕРА В ПОЛНЫЙ РОСТ!
ТАК БЕРИ, ДОРОГОЙ, БАЛАЛАЕЧКУ
И СЫГРАЙ ПРО МИТЬКОВСКИЙ УЛЕТ.

КАК ЖЕ ТАК МЫ НА СУШЕ ОСТАЛИСЯ!
КОРАБЛИ ВСЕ УПлыЛИ БЕЗ НАС!
И ТЕПЕРЬ МЫ БИЧИ НАЗЫВАЕМСЯ,
ВМЕСТО ПИВА В ЛАРЬКАХ — КИСЛЫЙ КВАС.

ВСЕ УШЛИ В ЗАГРАНИЧНОЕ ПЛAVАНЬЕ,
БУДУТ В БАРАХ ТЕПЕРЬ ЖИРОВАТЬ.
А ДЛЯ НАС — ОПУСТЕВШИЕ ГАВАНИ,
ТАК ПОЙДЕМ, ДОРОГОЙ, БОМЖЕВАТЬ.

ПОГЛЯДИМ НА ПОЛЯ ЗОЛОТЫЕ,
НА ФАБРИЧНЫЙ КЛУБЯЩИЙСЯ ДЫМ,
И ПРОТЯНЕМ СТАКАНЫ ПУСТЫЕ:
МОЛ, НАЛЕЙТЕ БРАТУШКАМ СВОИМ!

ЭТОТ СМЕХ ДЛЯ НАС СЛЕЗКАМИ ВЫЙДЕТ.
МЫ НЕ БУДЕМ, БРАТОК, БОЛЬШЕ ПИТЬ.
НУ, А ЕСЛИ БАРЫГА ОБИДИТ,
МЫ СУМЕЕМ СЕБЯ ЗАЩИТИТЬ.

ПУСТЬ ПОКА МЫ В ГОВНИЩЕ И МРАКЕ,
НО НЕ ПАДАЙТЕ ДУХОМ, БРАТКИ!
ВСТАНУТ «СМИРНО» ПОЗОРНЫЕ ХРЯКИ
И ПРИКРУТЯТ СВОИ ФИТИЛЬКИ!

ПРИПЕВ: ВСТАВАЙ, БРАТОК, ВСТАВАЙ!
РВАНЫЙ ТЕЛЬНИЧЕК СВОЙ НАДЕВАЙ!
ВОЗЬМИ В КАПТЕРКЕ МОРСКОЙ МАХОРКИ,
ВЕДЬ, ЗАВТРА НАМ ОПЯТЬ В ПОХОД.

В. ШИНКАРЁВ ВТОРАЯ УЛУЧШЕННАЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА МИРОЗДАНИЯ

А. Флоренскому

„И только не говорите, что я сужу апрометчиво. Я размышлял над этим восемнадцать с половиной минут!“
Г.К. Честертон

Шарапов: Глеб, что же делать?
Жеглов: Не знаю, что делать! Думай!
„Место встречи“

Будучи вполне доволен своей первой окончательной системой мироздания, я тем не менее вынужден выдвинуть вторую, которая, однако, ни в чем первую не опровергает. Первая прослеживала и предлагала надлежащие пропорции четырех стихий ментальности, то есть отвечала на вопрос „кем быть“.

Вторая отвечает на вопрос „что делать“, выявляя четыре стихии иной плоскости. (Не будет ли третья схема отвечать на волнующий всех вопрос „кто виноват?“)

Есть запись у Розанова, которая, собственно, и является этой системой. (На Розанова сейчас только ленивый не ссылается. Впрочем, нет: и ленивый сейчас на Розанова опирается.) К сожалению, не могу ее прямо цитировать, да и не помню, где она; расскажу своими словами, как, делал и сам Розанов.

– Что делать? – вопят гнойные нигилисты, – „Что делать?“
– Ах, что делать? – со спокойствием, выдающим высший гнев, переспрашивает Розанов. – Ладно, я вам скажу, что делать: если лето – варенье варить, если зима – чай пить с этим вареньем.

Все! Действительно, хватит триндеть про сложность жизни: жизнь проста. „Невыносимая легкость бытия“, как блестяще называется один фильм по роману Кундеры.

Жизнь проста, как гром среди ясного неба. Под „варить варенье“ будем понимать всякую производственную деятельность, под „пить чай“ – потребление, развлечение, созерцание.

Этого, конечно, маловато, чтобы описать все, что люди делают. Еще более важна третья сфера деятельности, которую я обозначаю термином „целоваться“ – вся сфера общения людей (почти).

„Почти“ потому, что есть примыкающая к общению четвертая стихия деятельности человека, вероятно, важнейшая. (Не знаю, к чести ли человечества. Но, во всяком случае, важнейшей ее считали Бердяев, Даниил Андреев и другие не менее уважаемые мифами люди.)

Про нее подробнее.

У Маши есть попугайчик, уже немолодой. С нарастающим ужасом я наблюдал его беспросветную жизнь: не видел он никогда ни одного себе подобного существа, не покидал своей клетки. Он даже никогда не летал, к чему его предназначил Бог.

– А ему не скучно? – спросил я Машу.
– Да нет. Он то в колокольчик брякает, то в зеркальце посмотрится, то на переключинке покачается.

Я задохнулся от волнения: затворник без общения и труда, это был чистый, разнообразный творец типа Ван-Гога, без усталости творящий.

Вот четвертая стихия: „брякать в колокольчик“.
(Можно сделать отступление ради жизнью подсказанной детализации этой сферы деятельности человека:

„Брякать в колокольчик“ – так, (хотя и напрашивается аналогия именно и только с музыкой) я обозначил бы самые высокие, без всякого расчета на признание образцы искусства.

„В зеркальце поглядеться“ – это творец, четко (как ему кажется) знающий свое место в общем культурном процессе, это уже концерты, интервью, дембельство и самолюбование.

„Качаться на переключинке“ – это уже массовое, опасное, рассчитанное на мгновенную и непосредственную реакцию зрителей (и жертв) произведение – это „Поп-механика“, Октябрьская революция, Вторая Мировая Война, убийство шпальной нищего в подворотне.)

Итак, вот четыре занятия, достойные человека: варенье варить – чай пить – целоваться – брякать в колокольчик.

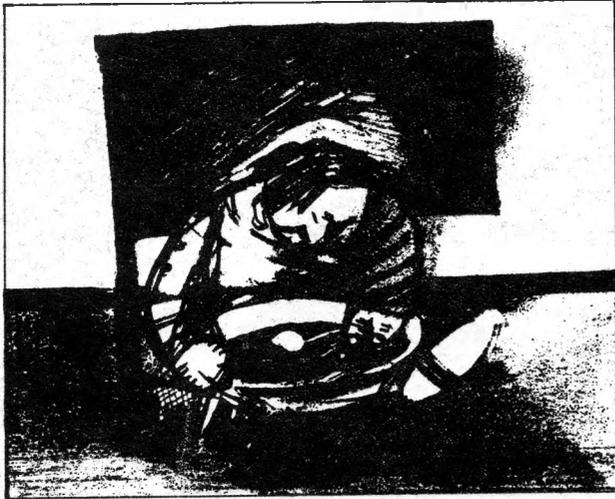
Больше нет ничего, все сверх этого – от лукавого.
– Как так? – спросят. – А чем-же занимается буддийский монах, Симеон-Стопник, любой христианский священник, наконец?

Любой священник совмещает разом четыре деятельности человека: он варит варенье тем, что борется с бесами; он пьет чай – тем, что просто находится в гармонии с миром; он целуется с Богом и прихожанами; он брякает в колокольчик, потому что храмовое действо – синтез всех искусств.

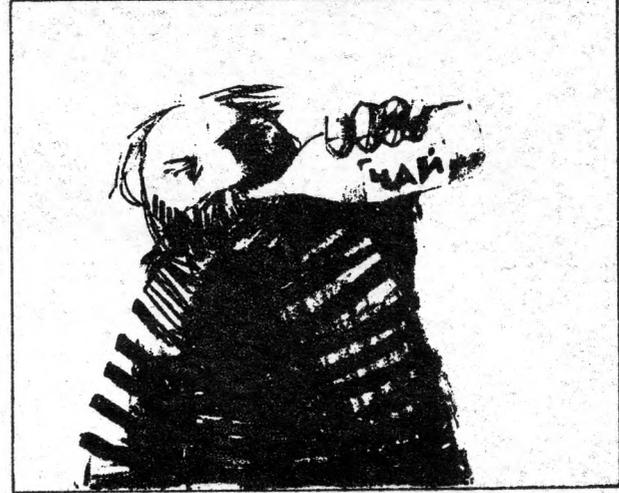
Так каждому человеку надлежит совмещать в себе эти четыре стихии деятельности – иначе он будет ущербен, хоть и может быть высок и занимателен. Но так высок и занимателен колхозник 60-х годов, без продыху варящий варенье; или Обломов, только пьющий чай; или Казанова, без усталости целующийся; или великий Ван-Гог. Но ведь никто из этих четверых не мог сказать: жизнь прекрасна...

Благовещенье 1992 г.

ПОД ПЕРЕХОДЯЩИМ КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ ВАРЕНЬЕ ВАРЯТ

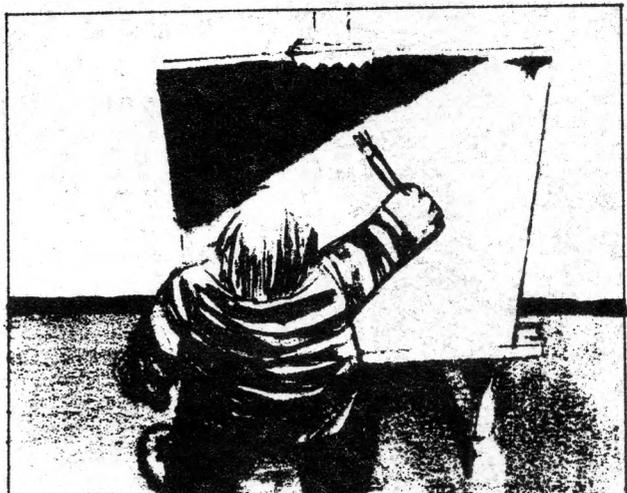
ЧАЙ ПЬЕТ

ЦЕЛУЕТСЯ

В КОЛОКОЛЬЧИК БРЯКАЕТ

Рисунки автора

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ МИР-2. БЕЗ ГОМОСЕКСУАЛИЗМА И НЕКРОФИЛИИ.

«Он бачь, яка кака намалевана!»
Н. В. Гоголь «Ночь перед Рождеством».

Подоспело такое время, что успевай только поворачиваться. Порядочное число художников в очередной раз оказалось перед вопросом: не лопухнулись ли они, выбрав искусство родом своих занятий?

Не так уж необозримо давно все легко сходилось на том, что творчество непременно связано с «прекрасным» и вокруг него может объединиться людское множество, которое к «прекрасному» естественным порядком тянется. Но теперь, не без усилий искусствоведов, над этим впору смеяться. Даже пресловутый соцреализм нет-нет и объединял кое-кого для любования картинками социального здоровья (что сильно подмочило идею единства), любоваться же чем-либо сегодня — решительно неудобно. Художники в первую очередь бросают это сомнительное и бесполезное занятие, с одной стороны, не находя предметов любованья (Флоренский, давеча, на выставке обронил вдруг: «Нет, не люблю я чего-то живопись»), с другой стороны, боясь смешаться с «публикой», даже по отношению к «смежным» музам.

Последнюю точку с подкупающей принципиальностью поставили некрореалисты, предложив или любоваться труппами, или, спасаясь от обвинений в банальности, не любоваться ничем. Конечно, «любование» (движение к любви) не критерий, но все же пример критерия.

Перестройке отдельное спасибо. Хлынуло половодье всяческой всячины, из которого даже искусственному зрителю нелегко выбрать что-нибудь достойное внимания. Прежде, бывало, достоинство определялась мужеством противостояния режиму, теперь, зачастую, степенью нецензурности. И почти каждый из этого потока подразумевает себя полпредом постмодернизма. Лично у меня на это слово аллергия, особенно прилагательное «постмодернистский» омерзительно. За этим видится молодечество. Что может быть противнее?

Между тем, в окружающей жизни пошли центробежные процессы. Началось легальное расслоение народа. Соответственно расслаиваются вкусы и пристрастия, принимаемая часто антогонистический характер, а профессионалы кисти, смычка, видеокино и проч. совокупно с мастерами критического пера (чуть не сказал «запленных дел») направляют свои усилия на дальнейшее расслоение.

Отчего так? Ведь благородные все люди. Вообще, подозрительная связь творцов, критиков и средств массовой информации еще ждет своего исследователя или даже следователя. Может, им вместе собираться вредно?

Возьмешь, к примеру, солидное издание, углубишься в искусствоведческую статью с полезной целью прочесть свежую мысль или оригинальное суждение. Постепенно, из-за нагромождения цитат и зычных иностранных имен, является такая свежая идея: гомосексуализм, мол, хорошо, а, к примеру, некрофилия — лучше. И, ей же Богу, ничего больше, хотя статья объемная (может их даже две) за счет изощренности изложения. Изощренность же такова, что видятся ей три причины: молодость автора (когда, действительно, еще трудности с сексом), отсутствие настоящей мучающей проблемы, при том что эрудиция давит на самолюбие нестерпимо, ну и обыкновенная опаска получить в метро по морде от читателя — нетранссексуала.

Будь я критик, разделял бы эти статьи по функциям: помещал объявления типа брачных, а на прилагаемых гибких пластинках писал художественный свист.

По телеку недавно пару раз прокрутили приветливый материал журналиста Шолохова о гомосексуалистах, а, заодно, и о кино, с отрывком сцены убийства в автомобиле. Залобуешься как красиво снято. Кровь брызгает, человек визжит. Вне контекста, без комментариев. Гомосексуалисты (до чего длинное название) тоже симпатичные... Понятно, что не следует этих бедолаг подвергать травле, даже обзывать сокращенными словами не стоит. Но, может, и все на этом? Не желаю я тестироваться этой темой на интеллектуальность. Меня это травмирует как мужчину, а большому числу «неустойчивых» может выйти боком, потому что тема эта — род игры в смерть (могу нарисовать геометрическое доказательство. Тут не обойтись без оговорок: Смерть я считаю понятием конечным и поэтому предложил бы всякому энтузиасту-некрофилу не пудрить гражданам мозги, а сразу принципиально кончать с собой, желательно без помпы, но с пояснительной запиской. Человечество же, если что и спасет, так не гомосексуализм или некрофилия, а что-нибудь побанальнее.

Художник, как водится, сам по себе слаб и подсознательно ищет защиты и содействия у сильных. То, бывало, у КПСС, то у других преступников (пример американских киношников, пригретых некогда ихней мафией), исподволь делая тем приятно в самых чувствительных местах: коммунистам — изображая ослепленный народ, а необремененным идеологией хрякам (митык: пресыщенный, разваренный подонки) эстетизацией их пороков. И беспрестанно при этом рефлексирова для маскировки своей немощи и страха под вид творческой озаренности.

Куда же, спрашивается, смотрит широкая публика? Отдадим себе отчет, что она, по обыкновению, смотрит туда, куда ей показывают. И странно, и досадно от того, что теперь, когда затихарились коммунисты и «пахнуло озоном», вместо наиболее духовного и благородного на экраны и холсты повиснулось вдруг то, за что никто и не сражался, чего никто и не имел в виду, толкуя о свободе и бесцензурности.

Думается, за этим всем, кроме, конечно, бесовского промысла, стоит тонкое чувство спроса и запаха крепких денег. Так что вновь хочется, как бывало, воскликнуть: «Мастера культуры (черт с ним и контркультуры), с кем вы?!»

Тем временем давно уж беспокоится придирчивый читатель, — А где же светлые примеры?

Тактично обойдя митьков, ответим, что все ж, слава Богу, не перевелись такие примеры. Недавно, одно из ночей, когда уморенное население крепко уснуло, по телеку показали фильм режиссера Каневского «Замри, умри, воскресни». Уж его хвалили в прессе и призывы набрал не зря, но мало, что его видел, хотя для одного этого фильма можно было бы возобновить традицию культпоходов. Такое кино не перехваляешь. Давно так ясно, убедительно не показывалось средствами искусства, что такое жизнь, смерть, добро, зло, любовь. И радостно, что есть еще художники, то есть люди, имеющие что сказать по этим старинным поводам.

Стало быть, унывать не будем. Бог милостив. Понадеемся на лучшее, светлое завтра и даже дружно станем меньше пить и больше производительно трудиться на своих нивах. Молодые, глядишь, повзрослеют. И тогда, возможно, что очень скоро, плотные ряды торгующих будут, хотя б немного, потеснены от дверей Храма.

В. ТИХОМИРОВ

Рисунок В. ГОЛУБЕВА

ВАЖНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Каждому, совершившему доброе дело, следует немедленно оповестить редакцию „М.-Г.“ о конкретных параметрах осуществленного Вами доброго дела.

Говоря простым, человеческим языком — надо быть хорошим, и наша газета об этом сообщает.

Начиная со следующего номера газета будет публиковать список конкретных и небанальных добрых дел — оценивать степень нажористости которых будет Дмитрий Шагин лично.

Победитель пожирует с Митьками.

В. Голубев «Митьки отдают Ван-Гог свои уши» — яркий пример конкретного доброго дела

АНДРЕЙ ФИЛИПОВ

АЛЕКСАНДР ФЛОРЕНСКИЙ

ВЛАДИМИР ШИНКАРЕВ

ДМИТРИЙ ШАГИН

АЛЕКСАНДР ГОРЯЕВ

ГРУППА ХУДОЖНИКОВ
«МИТЬКИ»
 ЛЕНИНГРАД · 1985

ЕКАТЕРИНА ИЛЬИНА

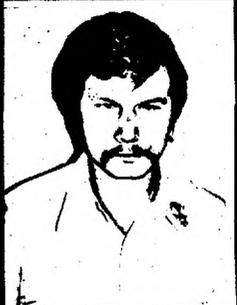
ИГОРЬ ЧУРИЛОВ

АЛЕКСЕЙ СЕМИЧОВ

ВИКТОР ТИХОМИРОВ

ВЛАДИМИР ТИХОМИРОВ

АНДРЕЙ КУЗНЕЦОВ

АРХИВ:0 СОСТАВЕ ГРУППЫ ХУДОЖНИКОВ "МИТЬКИ"

Из песни слова не выкинешь. Какую красивую схему можно было бы сделать! Но нет, вот она, исторически сложившаяся ненастным осенним вечером в мастерской Флоренского.

Документ сопровождается следующим торжественным заявлением: „Этот документ является абсолютным и единственным иерархическим перечнем митьков и того, что их окружает.

Документ этот принят на собрании митьков в мастерской А. Флоренского 20. 10. 1991 в присутствии:

- Д. Шагин
- А. Флоренский
- А. Горяев
- И. Чурилов
- В. Голубев
- Вл. Тихомиров
- Викт. Тихомиров (частично)
- А. Филиппов
- А. Кузьмин
- Е. Чурилова
- К ним, не бывшие в тот день с ними, присоединились одно (с ними) значно:
- В. Шинкарев
- А. Семичев
- А. Кузнецов
- О. Флоренская (Ильина)
- В. Яшке.

Верность документа подтверждается подписью на каждом листе секретаря собрания А. Филиппова. Документ окончательный."

Ценность схемы в том, что она действительно включает в себя всех без исключения лиц, могущих на тот день считать себя митьками, вплоть до таинственного „друга Фиделя", Марьяны Цой и Светланы Мусатовой. Всякое иное лицо, продающее свои картины или литературу и использующее при этом копирайт „Митьки" является самозванцем. (О вновь принятых, видимо, будет сообщено особо).

Список начинается перечислением канонического состава „Митьков" так называемых „11 + 2" (2 – Яшке и Голубев, включенные в основной состав за особые заслуги после формирования группы).

Молодежная секция – все ясно, смотри устав Союза Художников СССР.

В состав „Московского отделения" настолько неожиданно вклиниваются Минин и Пожарский, что в первый момент и не сообразить – что за Минин и Пожарский такие? С этого момента начинается список произвольных, на сегодня ценимых митьками лиц: Минина, Пожарского, Моцарта, Пушкина, Вен. Ерофеева. (Только эти 5 лиц произвольно и пьяно включены в список действующих митьков. А почему бы не включить Серена Кьеркегора? Не Василия Розанова?).

Надо сказать, что многие из списка „Экспонентов“ могли бы быть перенесены в „Московское отделение“; но сделать это мешает определение этого перечня „иерархическим“ (То-есть Ван-Гог и Пушкин менее значительные лица, чем Дмитрий Шагин, что-ли?).

„Зарубежное отделение“ тоже составлено по принципу „кто вспомнился“; да и что-то сомневаюсь я, чтобы Андрей Донатович Синявский, выйдя на кафедру в своей Сорбоне, сказал: – Я, как митек... Впрочем, говорят, он так сказал однажды...

Секции „искусствоведов“ и „искусствоведушек“ не полны; так, в первую должна быть включена М. Халтонен, а во вторую – О. Хрусталева.

Нельзя не споткнуться на куцем литературном отделе. Понятно, что схема составлена по убывающей, то-есть О. Флоренская, например, фигурирует в первой группе („художники“), не имеет права участвовать в каком-то там „литературном отделе“. Из песни слова не выкинешь, да в том беда, что и не оставишь. (Не могу не

приписать эту занятную дискриминацию секретарю всего, А Филиппову, имеющему, кроме живописи, одно занятие – беспробудное пьянство. Так может внести в схему секцию „алкоголики“, которая и будет все возглавлять?).

Лаконична и „фотосекция“; ладно там нет А.Кузнецова, ибо он в основном составе, но почему не включен даже В. Немтинов?

Замыкает список скупулёзное перечисление всех, когда-либо с восторгом или милостливо принятых митьками на свои выставки (опять повторю – список составлен по нисходящей, то-есть постоянный экспонент Б. Гребенщиков по уважительной причине отнесен к „музыкантам“, и можно не догадаться, что он и экспонент выставок).

Документ сей со времени составления не дополнялся, так что особо и с надрывом поднятый Д. Шагиным вопрос о создании секции „Лидия Федосеева-Шукшина“ будет освещен в следующих номерах газеты.

В. ШИНКАРЕВ

ГРУППА ХУДОЖНИКОВ „МИТЬКИ“

1. Д. Шагин
2. В. Шинкарев
3. А. Флоренский
4. А. Горяев
5. А. Филиппов
6. А. Семичев
7. И. Чурилов
8. В. Тихомиров
9. Вл. Тихомиров
10. А. Кузнецов
11. О. Флоренская
12. В. Яшке
13. В. Голубев

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

Куратор А. Филиппов

1. А. Кузьмин
2. А. Митин
3. И. Васильева
4. Р. Муравьев

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1. К. Минин
2. Д. Пожарский
3. Н. Полицкий
4. К. Батынков
5. В. Щеткин

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ ГРУППЫ „МИТЬКИ“

1. Ван-Гог
2. А. Арёфьев
3. В. Шагин
4. Р. Васми
5. Ш. Шварц
6. В. Громов
7. Н. Жилина
8. И. Кириллова
9. О. Фронтинский
10. Б. Козлов
11. Г. Устюгов
12. И. Сотников

ЗАРУБЕЖНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1. Толстый
2. Хвостенко
3. Синявский
4. Розанова
5. К. Кузьминский
6. В. Некрасов

МУЗЫКАНТЫ

1. Моцарт
2. А. Башлачев
3. В. Цой
4. М. Науменко
5. Б. Гребенщиков
6. А. Романов
7. Ю. Шевчук
8. А. Макаревич

ИСКУССТВОВЕДЫ

1. Е. Чурилова
2. Л. Гуревич

ИСКУССТВОВЕДУШКИ

1. А. Конь
2. М. Трофименков

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

1. А. Пушкин
2. В. Ерофеев
3. О. Григорьев

ФОТОСЕКЦИЯ

Б. Смелов

ГЛАВНАЯ СЕСТРЕНКА

М. Зорина

ЭКСПОНЕНТЫ ВЫСТАВОК ГРУППЫ „МИТЬКИ“

1984 – 1991 гг.

1. А. Макусов
2. С. Авдеев
3. С. Чекменев
4. Т. Новиков
5. С. Бакин
6. Циркуль
7. М. Цой
8. В. Крюк
9. В. Бурянин
10. В. Кубасов
11. А. Ковенчук
12. О. Котельников
13. А. Белле
14. А. Белле
15. Фидель
16. (Друг Фиделя)
17. М. Яшке
18. М. Снегиревская
19. Б. Борщ
20. Шконда
21. Штапаков
22. Е. Виноградов
23. С. Съешников
24. Ю. Медведев
25. Гоос
26. (Жена Гооса)
27. Гера Малышев
28. И. Боркова
29. А. Флоренская
30. Е. Флоренская
31. В. Флоренский
32. Кондрат Филимонович
33. Т. Лямина
34. С. Мусатова
35. Б. Бадалов
36. В. Овчинников
37. А. Хлобыстин
38. М. Хлобыстина

Роальд Мандельштам 1932 - 1961

ДИАЛОГ

— Почему у вас улыбки мумий,
А глаза, как мертвый водоем?
— Пепельные кондоры раздумий
Поселились в городе моем.

— Почему бы не скрипеть воротам?
— Некому их тронуть, выходя:
Золотые метлы пулеметов
Подмели народ на площадях.

***

Заоблачный край разворочен,
Он как в лихорадке горит:
— В тяжелом дредноуте ночи
Взорвалась торпеда зари.

Разбита чернильная глыба!
И в синем квадрате окна
Всплывает, как мертвая рыба,
Убитая взрывом луна.

А снизу, где рельсы схлестнулись,
И черств площадной каравай,
Сползла с колесованных улиц
Кровавая капля — трамвай.

Петербург Роал

АЛЫЙ ТРАМВАЙ

Сон оборвался. Не кончен.
Хохот и каменный лай.
В звездную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай.

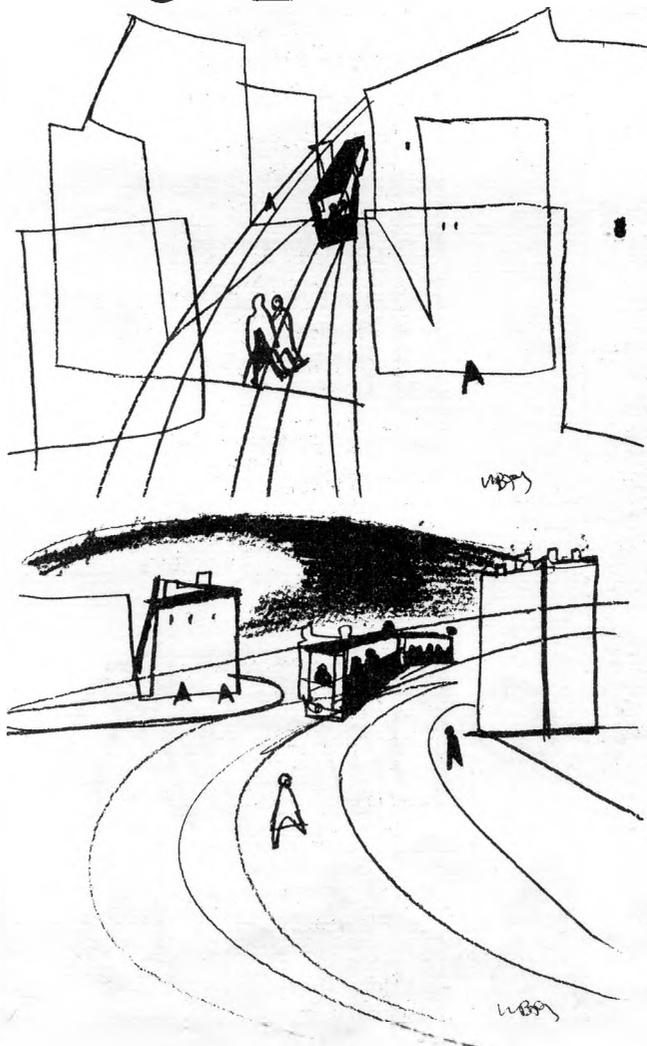
Пара пустых коридоров
Мчитсся один за другим.
В каждом — двойник командора —
Холод гранитной ноги.

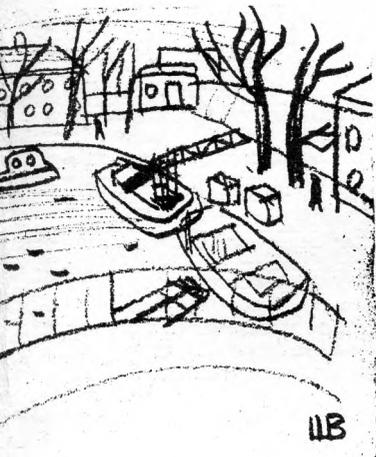
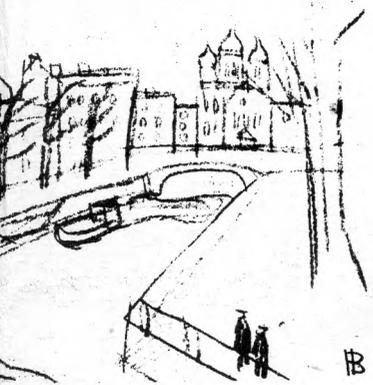
— Кто тут?
— Кондуктор могилы!
Молния взгляда черна.
Синее горло сдавила
Цепь золотого руна.

— Где я? (Кондуктор хохочет.)
Что это? Ад или рай?
— В звездную изморозь ночи —
Выброшен алый трамвай!

Кто остановит вагоны?
Нас закружило кольцо.
Мертвой чугунной вороной
Ветер ударит в лицо.

Лопнул, как медная бочка,
Неба пылающий край.
В звездную изморозь ночи
Бросился алый трамвай!

ь да

***

Я полон злорадных предчувствий,
Увидев под пылью, как мел, —
Тисненное медью: „Саллюстий” —
Металл угрожающих стрел.

— О, литеры древних чеканов,
Чьих линий чуждается ржа,
Размеренный шаг ветеранов
И яростный гром мятежа!

Я пьян, как солдат на постое,
Травой, именуемой „трын”,
И проклят швейцаром — пустое!
Швейцары не знают латынь.

22. 11. 1958

***

Я не знал, отчего проснулся,
И печаль о тебе легка,
Как над миром стеклянных улиц —
Розоватые облака.

Мысли кружатся, тают, тонут,
Так прозрачны и так умны,
Как узорная тень балкона
От летящей в окне, луны.

И не надо мне лучшей жизни,
Сказки лучшей — не надо мне:
В переулке моем — бульжники,
Будто маки в полях Монэ.

***

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литье —
Вечер, догорая за каналом,
Медленно впадает в забытье.

Ярче глаз под спущенным забралом
Сквозь ограды плещет листопад —
Ночь идет, как мамонт Гасдрубала —
Звездоносный плещется наряд.

Что молчат испуганные птицы?
Чьи лучи скрестились над водой? —
В дымном небе плавают зарницы,
Третий Рим застыл перед бедой.

НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ (Вариант)

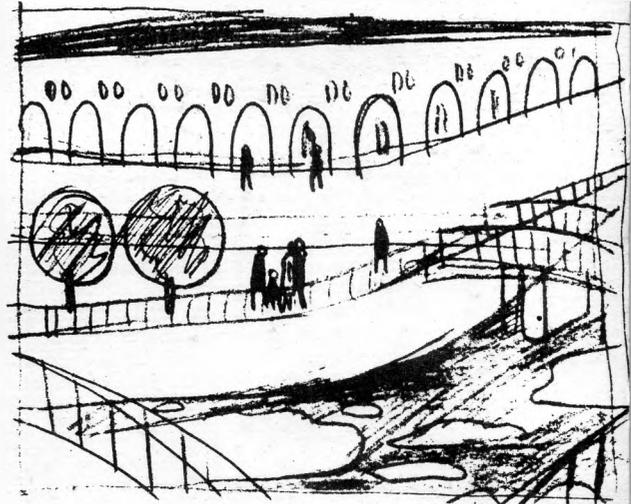
Запах камней и металла
Острый, как волчьи клыки,
— помнишь?

В изгибе канала
Призрак забытой руки,
— видишь?

Деревья на крыши
Позднее золото льют.
В Новой Голландии
— слышишь?

Карлики листья куют.

Карлы куют...
До рассвета
В сети осенних теней
Мы находили букеты
Темных ганзейских монет.

***

Так не крадутся воровы —
Звонкий ступает конь —
Это расправил город
Каменную ладонь.

Двинул гранитной грудью
И отошел ко сну...
Талая ночь. Безлюдье.
В городе ждут весну.

— Хочешь, уйдем, знакомясь,
В тысячу разных мест,
Белые копыта звонниц
Сломим о край небес.

Нам ли копить тревоги,
Жить и не жить, дрожа, —
Встанем среди дороги,
Сжав черенок ножа!..

Рисунки Р. ВАСМИ, В. ШАГИНА,
Щ. ШВАРЦА

Публикацию подготовил Д. ШАГИН

1987

ПАПУАС ИЗ ГОНДУРАСА

А. СТЕРН
«ВЕЛИКИЕ
ЛЮДИ НЕ НАП-
РАСНО ЛИШУТ
ТРАКТАТЫ О БОЖ-
ЬИХ НОСАХ»

РИСУНКИ ФЛОРЕНСКОГО

„Мы преклоняемся перед Гете именно потому, что его произведения, хоть мы и находим в них собранный вместе всякого рода хлам... представляют собой объективно увиденную картину“.
Д. Танидзак

Роскошно обставленная столовая в палатке лорда Хроня. За большим овальным столом лорд Храм Хронь с аппетитом хлебал суп Жульен в сопровождении своей дочери, леди Елизабет Хронь, невзрачной провинциальной девицы тридцати лет, приживалки фрау Маргрет Моргенштерн, лютой особы, старого друга Питера Счахла.

Бедняга Питер, весь белый, subtilный, давно переступил последнюю стадию злокачественного развития чахотки. При попытке что-нибудь сказать он заходился в приступе мучительного кашля – топал ногами, рвал кружева на груди так, что

Питер Счахл, несколько оживившись, попытался сказать что-то, указывая на бутылки дрожащим перстом, но зашелся в приступе мучительного кашля. Он едва успел прижать к губам тонкий батистовый платок, как негр схватил его и сжал в своих маслянистых объятиях.

– Дай ты парню спокойно выпить, – пробормотал лорд Хронь, раскупоривая бутылку.

Освободившись, бедняга Питер посмотрел на платок и с горестным укоризненным видом показал сотрапезникам: на платке выделялись алые пятнышки крови.

Леди Елизабет, славная девушка, смотрела на платок с неподдельным волнением.

Фрау Моргенштерн посмотрела как вурдалак.

Лакеи и негры зажгли свечи.

– Вон оно, шут его дери, – задумчиво сказал лорд Хронь.

(Делается заметно, что лорд Хронь не является глубоко образованным и вообще интеллигентным человеком, авторы желают придать фильму социально-критический оттенок. Ну, скажем прямо: образование Храм Хронь получил в церковно-приходской школе, да и кончил-то только три класса, четвертый – коридор. В обществе он, однако, умел это скрыть, отчасти по своей малокоммуникабельности. Лорд придавал не слишком много значения тому, что не входило в круг его интересов: весьма, впрочем, неширокий.)

– Позволю себе напомнить, что наша трапеза прервала отчет капитана, – произнесла Маргрет в наступившей тишине. Фрау Маргрет покачивала при разговоре челюстями, как акула.

Во вновь наступившей тишине было слышно, как лорд Хронь отхлебывал вино. Лакеи и негры с почтением взирали на него.

– Вбанги! Позвать капитана! – мрачно изрекла фрау Маргрет Моргенштерн.

– Я, фрау, – кланяясь, ответил голый по пояс Вбанги и, подойдя к двери, зычно крикнул.

Веселый капитан с почтительным полупоклоном вошел в столовую, замахал шляпой; улыбнулся. Даже фрау Маргрет чуть заметно улыбнулась ему, обнажив два мощных клыка, а у леди Елизабет рот открылся до ушей. Бедняга Счахл улыбался прекрасной предсмертной улыбкой: играйте, дети, вам жить, а мне помирать. Лорд Храм Хронь не обратил на вошедшего особенного внимания: он держал бутылку над стаканом, экономно выжимая из нее последние капли.

Лакей в буклях принял у капитана шляпу и степенно отошел к толпе полуголых чернокожих.

(Валера сильно зевнул и переключил телевизор на другую программу. Ему скучно, неинтересно. По другой программе медведи в юбочках медленно играли в хоккей с полуодетой красоткой. Валера некоторое время лениво смотрел на этот чудовищный кошмар, но оператор фиксирует телекамеру на несчастных животных, а не на красотку, и Валера, грязно выматерившись, снова переключает телевизор на „Папуаса из Гондураса“, решив посмотреть его до конца. Вообще говоря, механический зрительный корм, предлагающийся нам телевидением, как правило, представляет собой разлагающий душу, но неинтересный бред, а значит, таковым же надлежит быть и моему повествованию... ну, ладно, посмотрим.)

– Как только судно приблизилось к неотмеченному на картах острову – оживленно рассказывал веселый капитан (на экране показывают куски моря, суши и многое из того, о чем идет речь), – впечатление о его необитаемости резко рассеялось. Там и сям виднелись следы разумной жизни, или я бы сказал – рукотворной деятельности. В разных направлениях остров перегораживали изгороди, заборы и частоколы, соору-

(Продолжение. Начало в №1)

БЕДНЯГА
П. СЧАХЛ
ДАВНО ПЕР-
РЕСТУПИЛ
ПОСЛЕДНЮЮ
СТАДИЮ
ЗЛОКАЧЕСТ-
ВЕННОГО
РАЗВИТИЯ
ЧАХОТКИ.

ПРИ ПОПЫТКЕ
ЧТО-ЛИБО СКА-
ЗАТЬ ОН ЗАХО-
ДИТСЯ В
ПРИСТУПЕ
МУЧИТЕЛЬ-
НОГО КАШЛЯ

стоят выпуклыми глазами, похожими на яичницу-глазунью.) Лорд Хронь, вычерпав весь суп Жульен, отодвинул от себя тарелку, утер лоснящийся рот, вымазал крупные брызги с са-терть.

Лакей в буклях принял тарелку, вопросительно заглядывая лорду в глаза. Тот в знак утверждения громко хлопнул в ладошки (у лорда ручки маленькие). Тотчас несколько негров, голых по пояс, внесли несколько бутылок портвейна и стаканы

женные без видимого назначения. На берегу: также окруженное забором, стояло небольшое деревянное сооружение, напоминающее, миль пардон, леди, туалет – каковым оно впоследствии и оказалось. Что все это значило? Зачем? Я достал подзорную трубу и тщательно осмотрел остров в поисках костра от дыма – известно, что обитатели необитаемых островов постоянно утомляют себя разведением костров в надежде на то, что проплывающие корабли обратят на них какое-нибудь особенное внимание.

Однако, ни костра, ни дыма видно не было, то есть дым был, но то был дым огнедышащей горы, возвышающейся среди острова.

Подзорная труба сильно увеличила дикое впечатление от острова. Бесконечные ненужные изгороди пугали воображение – развлеченные сумасшедших, а может быть, кто-нибудь проделал этот каторжный труд, чтобы убить время?

Когда я был готов принять решение поворачивать оглобли подобру-поздорову от греха подальше, ко мне подошел суперкарго и молча указал на лежащий в небольшом углублении странный предмет, напоминающий ящик, а скорее гроб... и благодарите Бога, сэр, что я все же решился подойти к этому безумному острову! – победно заявил сияющий капитан.

Лорд Хронь с обычным для него выражением спокойной глупости молча смотрел на капитана.

– К делу, капитан, к делу, короче! – металлическим утробным голосом произнесла фрау Маргрет.

– Извольте, сударыня, извольте! Это предложение блистательно подтвердилось – то был в самом деле гроб, в котором-то и лежал единственный обитель этого острова.

– Дохлый? – осведомился лорд Хронь.

– Самое гнетущее и торжественное в мрачной обстановке этого острова заключалось в том, что нет!

– Что „что нет“? – с нетерпением спросила фрау Маргрет.

– Бедняга лежал в гробу заживо.

– Однако, вы мне изрядно надоели, капитан, – устало объявила фрау Маргрет. – Почему нельзя рассказать коротко, конкретно, без эмоций и по порядку?

– Я тогда вообще ничего рассказывать не буду.

– И без истерик. Ну, подошли вы к гробу...

– Я велел спустить на воду две отлично промасленные шлюпки, в одну из них, нагруженную выше планшира, сел сам...

– Подошли вы к гробу! Дальше!

– Бедняга лежал в гробу. Кто он такой? Зачем здесь лежит? Я заговорил с ним по-английски, но он, казалось, не владел им. Он сурово и с горечью смотрел на меня, не шевелясь.

Тогда суперкарго заговорил с ним по-испански и по-французски, и по-блатному – все было напрасно. Бедняга разучился говорить. Он молча, хмуро и выжидательно глядел на команду судна, скрючившись в своем гробу.

К вечеру он опился красным вином и умер, так и не проронив ни слова. – Вот как немилосердна оказалась к несчастному судьба! Я как представляю себе, что он долгих двадцать лет мыкается по острову между своих изгородей, выходит на сине-оранжевый берег, вытягивая шею, ищет глазами корабля...

– Откуда вы взяли, что именно двадцать лет?

– Из дневника, любезная фрау Моргенштерн, из дневника – вот откуда! Несчастный вел дневник! К сожалению, он так изъеден плесенью, что я мог понять только часть, но и этого было достаточно. Да, да, господа! Видит Бог – вполне, вполне достаточно!

– Боже, действительно достаточно. С меня вполне достаточно вашей болтовни, сэр!

Капитан, присосанившись, раздул ноздри.

Неожиданно лорд Хронь издал удивительный возглас:

– Да! Худо-бедно, а нажористый портвейн!

Некоторое время все смотрели на него выжидательно, но оказалось, что это и все, что он хотел сообщить.

– А мне, фрау Маргрет, так интересно показалось... – нерешительно сказала леди Елизабет.

– А показалось, так перекреститесь! – вновь вступил в разговор лорд Хронь. Он сделался оживлен и добродушен.

Питер Счахл с горечью посмотрел на него и зашелся в приступе мучительного кашля. Откашлявшись в платок, он посмотрел на него и молча, укоризненно продемонстрировал всем присутствующим: на платке алая пятнышка крови.

– Продолжайте, капитан, – сказала фрау Маргрет, несколько облагороженная этим зрелищем, – не будем горячиться, но и переливать из пустого в порожнее не будем, ведь у всех нас есть свои дела – у вас свои, у меня – свои, у лорда Хроня – свои...

Лорд Хронь молча занялся своим делом и капитан продолжал:

– Много лет назад буря выбросила на берег отшельника. Время не пощадил беднягу, однако сохранило часть его трагического наследия, изъеденного, как я уже упомянул, к несчастью, плесенью.

Не буду говорить о мытарствах и невзгодах (связанных с непослушанием родителей), испытанных беднягой с момен-

та рождения до роковой случайности, оборвавшей цивилизованный период жизни горемыки. Да, собственно, и про жизнь на острове что говорить долго?

Двадцать лет шпындаль он по острову, то впадая в свойственное меланхоликам нетерпение, то принимаясь неторопливо налаживать быт.

Почти каждая запись в его дневнике начинается фразой „тщательно все обдумав“. Это постоянное „тщательно все обдумав“, касающееся вещей очевидных, могло бы вызвать улыбку, но осторожность бедняги, так наказанного судьбой, понятна, постельна и трогательна.

Уже устраненная опасность неизменно вызывает у него ужас – послед единственного землетрясения несчастный так и не решился залезть в пещеру за своими нехитрыми пожитками. Искушаться в море он боялся из страха перед бурей, отливами и морскими чудовищами. Лодкой, имеющейся у него, он не пользовался ни разу. На огнедышащую гору горемыка и посмотреть боялся, и уж, конечно, ни разу к ней не подходил.

Вот, например, одна из записей: „С утра грянул сильный гром. Упав в испуге, пролежал два дня без движения“.

– А почему вы нашли его лежащим в гробу?

– В последние, наиболее тягостные годы одиночества, несчастный все чаще сетовал на то, что, мол, „некому меня, несчастного, хоронить“. Полгода напряженного труда ушло на постройку гроба, после чего бедняга задался вопросом: кто же его туда положит после смерти? Единственный выход заключался в том, чтобы подолгу лежать в гробу и ждать смерти. Дневник последних лет пастрит записями типа: „6 октября. Весь день лежал в гробу, но смерть нейдет“.

Несчастный сосредоточился на похоронной теме настолько, что некоторые записи я склонен приписать его расстроенному воображению. Например: „10 мая. У меня на острове родилось три сына...“

– Как? – вскричал Питер Счахл, мучительно закашлявшись.

Капитан строго взглянул на Питера и продолжал: „... три сына, три здоровых молодца. Первого я назвал Не Кит А Кот, второго – Не Кот А Кит, третьего – И Кот И Кит. Но рано обрадовался, все равно некому будет меня хоронить: всех троих кау-кау антропофаги-антропософы“.

– Что такое „кау-кау“?

– „Кау-кау“ по-туземски – сожрало.

– Судя по именам, это были сыновья от туземки?

– Фрау, в дневнике нет больше ни слова, проливающего свет на этих странных сыновей, нет больше ничего и про антропофагов-антропософов. Конечно, несчастный очень боялся туземцев и, защищаясь от них, перегородил весь остров, но ни разу он не упоминает о том, что кого-либо видел, за исключением странной записи: 26 мая. Боже, как мне надоела эта пьяная матросня!“

Судя по этим словам можно предположить, что остров все же посетило, по крайней мере, одно цивилизованное судно, но вы не знаете нравы матросов нашего торгового флота: высадившись на берег, все страшно перебиваются и общение с островитянами, в том числе обитателями необитаемых островов, сводится к выяснению вопроса о том, где достать бражки или самогону. К мольбам о помощи они совершенно глухи и более чем вероятно, что на просьбы несчастного представить его капитану матросы отвечали пьяным гогогом и пожеланиями „сидеть, где сидишь“, „не рыпаться“ и т.п.

Следующая запись поражает своей безысходностью: „27 мая. Господи! Опять никого, никого! Хоть бы инопланетяне какие-нибудь пожаловали! Я настолько одичал и опустился, что сегодня, выйдя из дома, не застегнул штаны (при этих словах фрау Моргенштерн бросила выразительный взгляд на лорда Хроня. Однако лорд, убаюканный речью капитана, уже давно прижал уши и спокойно уснул). Так я дойду до того, что буду купаться голым и мочиться под кусты!“

Надо сказать, что туалет был первой постройкой островитянина по прибытии на необитаемый остров. Тогда он был полон

сил, замыслов, записи отличались краткостью. Вот одна из первых записей: „Январь-июль. Строил надежный туалет. Тщательно все обдумав, сделал пока только одно очко.”

– Все это бесконечно поучительно; капитан, но неужели весь ваш доклад будет иметь только общеобразовательный характер? Надеюсь, вы отдааете себе отчет в том, что лорд Хронь не может, просто не имеет права отдавать столько времени выслушиванию бесплодных побасенок?

– Сейчас вы убедитесь, фрау, что мой доклад имеет исключительное прикладное значение. Перехожу к главному.

Много лет назад буря разбила об остров несчастного островитянина еще один корабль – то есть сам корабль оказался совершенно цел и был скромным подарком судьбы злополучному отшельнику, но весь его экипаж, до последнего человека, разбился или утонул.

Цитирую дневник:

„Тщательно все обдумав, я вошел в каюту, которая, по всем признакам, принадлежала капитану – об этом свидетельствовало ее убранство и богатство отделки. На стенах висело несколько картин в богатых золотых рамах, одна из них, кисти Теофана Грека, изображала обнаженную нимфу и сатиров. Судя по всему, картины стоили дорого, но я с горечью подумал, что мне, в моем положении, их все равно никому не продать, а стало быть, они являются для меня бесполезным хламом. На шифоньере красного дерева, который я впоследствии перетащил в пещеру, стояло несколько книг на незнакомом языке, по-видимому, португальском. Тщательно все обдумав, я прихватил и их, надеясь со временем изучить язык (забегая вперед, должен признаться, что сколько ни раз впоследствии я не брался за книги, понять языка так и не смог. Таким образом, единственной книгой на английском языке у меня была Библия, но читать ее было недосуг).

Открыв шифоньер, я прежде всего увидел полдюжины рубаш тонкого голландского полотна, которые мне очень пригодились, и поставец с дюжиной бутылок хорошего портвейна, который мне немедленно очень пригодился. Еще в шифоньере лежал большой мешок с золотыми монетами – соверенами, дублонами, дукатами и реалами. „Бесполезный хлам! – с горечью подумалось мне. – Я отдал бы тебя весь за бутылку”.

Однако, тщательно все обдумав, я прихватил эти деньги с собой”.

– Любопытно бы узнать, где они? – быстро спросила фрау Моргенштерн.

– Терпение, фрау, терпение! Терпение, терпение и еще раз – терпение! „В глубине шифоньера стоял небольшой ящик, взломав который, я на минуту лишился дара речи: в нем лежал знаменитый алмаз Карбонадо!”

– Где же он? – обрета дар речи, вскрикнула фрау Маргрет.

Лорд Хронь, вздрогнув, вырвался из объятий Морфея и испуганно посмотрел на присутствующих. У леди Елизабет нижняя челюсть отвисла до ключиц, а бедняга Питер Счалл

зашелся в приступе мучительного, нестерпимого кашля. Через минуту восстановилась почтительная тишина и капитан торжественно продолжил:

„Да! Мои глаза не обманывали меня: передо мной лежал знаменитый алмаз Карбонадо! Алмаз ослепил меня своей величиной и блеском, я едва мог удержать его в одной руке. – Боже мой! – с горечью подумал я. – И подумать только, что этот алмаз, поисками которого занят весь цивилизованный мир, достался мне; мне, для которого он является лишь бесполезным хламом! Карбонадо! Алмаз, оцененный в свое время в пятьсот золотых мараведи лежал в моей руке!”

– Чего, чего? Что за ...мандула? – осведомился лорд Хронь.

– Мараведи. Такая большая денежная единица.

– Это сколько ж будет рублей?

– Сколько, сколько... Пятьсот! Пятьсот! Мараведи... – страстно прошептала фрау Моргенштерн.

„Тщательно все обдумав, – продолжил чтение капитан, – я

решил прихватить алмаз с собой и закопать в надежном месте вместе с деньгами...”

– Так где же они сейчас? – тревожно спросила фрау Маргрет.

– Закопаны в надежном месте, фрау, – спокойно ответил капитан, отведя глаза от рукописи.

– И вы не выкопали его из надежного места?

– Бедняга испустил дух, не открыв нам тайны. Целый месяц команда судна вскапывала и перелопачивала остров, но все поиски остались тщетны, никакого надежного места мы не обнаружили. Понадобятся усилия большой группы людей – на мой

взгляд было бы целесообразно привлечь к такому делу негров. Итак, я продолжаю: „Ящик, в котором хранился алмаз, заключал в себе еще и объемистую рукопись, представляющую собой, так сказать, биографию алмаза, начиная с его появления на рынке, что случилось во Флоренции XVI века”.

(Звучит жуткая, тревожная итальянская лютневая музыка и застывший в значительной позе капитан заслоняется титром: Конец 1 серии).

ГЛАВА ВТОРАЯ: ВЫСОКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

«Люди, пришедшие на смену великой эпохи средневековья, были настолько низки, что отказали ей в названии культуры»
Г. К. Честертон

«Возрожденческое мироучастование, помещая человека в онтологическую пустоту, тем самым обрекает его на пассивность, и в этой пассивности — образ мира, равно как и сам человек, рассыпается на взаимоисключающие точки — мгновения».
П. Флоренский

На следующий день совершенно трезвый и злой Валера Марус, сделав коммунальную уборку, включил телевизор аккуратно перед началом «Папуаса из Гондураса».

...

На экране прекрасная Италия в конце периода Высокого Возрождения. Кубы золотых на закате крепостей виднеются на отдаленных холмах. Между желтых хлебов по дороге скачут два всадника в черном.

«Чем больше жажду я покоя, тем дальше он бежит от меня. Вот и ныне предпринял я путь во Флоренцию в надежде отдохнуть от скотства всех скотов и хуже, чем скотов, обивающих порог моего повелителя, а пуще всего этой старой неграмотной скотины Буонаротти, непрестанно клычущего у пресветлого моего покровителя деньги за свои корявые поделки – так что иной раз не перепало и десятка скудо! Также должен был я на время скрыться из Рима из-за одного поганого ярыги, рыскающего за мной с компанией таких же, как и он, бандитов – за то, что я очистил Рим от одного шаполая, братца вышеупомянутого ярыги.

И вот я, распленаяв шагу, с деньгами при себе, выехал ночью во Флоренцию со своим отличным, как и я, малым, только весьма охочим до чужих женушек и страшным забиякой слугой Джулиано, которому случалось за день улопать двоих, а то и пятерых – и все по разным поводам!

Имея спутником такого хорошего малого, я и не заметил, как скоротал дорогу до Флоренции за веселыми рассказами моего слуги, пуще которого и свет не знал.

По приезде я немедленно отправился к великому герцогу Козимо,

СУПЕРКАРГО ЗАГОВОРИЛ С НИМ И ПО-ФРАНЦУЗСКИ, И ПО-ИСПАНСКИ, И ПО-БЛАТНОМУ – ВСЁ БЫЛО НАПРАСНО.

покровительствующему всем художникам, и если уж такой проходи-
мец, как Челлини, при его дворе катается как сыр в масле, сколько
же больше почестей должно полагаться мне?

Обратившись к герцогу с этой и ей подобными речами, я весьма
его к себе склонил и он попросил немедля показать образцы моего
искусства. Я, недовольный, возразил, что их у меня покуда нет, но
как только он представит мне деньги, мастерские и место, где
приложить силы, как-то, например, расписать что-нибудь, то я немедля
явлю ему все свое немалое мастерство.

Пока обескураженный герцог размышлял, я не переставая хулил
его прихлебателей Челлини и Бандинелли, за здорово живешь
получающих до двухсот и более скудо жалованья, не считая выклян-
ченного сверх того.

— Удивляюсь только, — в завершение произнес я, — почему один
из этих двух отирал не ухлопал до сего дня другого, или «не замочил»,
как публика такого рода изъясняется. Вот уж, воистину, получилось
как по писаному: один гад пожрал другую гадину. Ведь Бенвенуто
за свою поножовщину давно заслужил веревку на шею.

Герцог взял тогда в руки чашу работы названного Бенвенуто
Челлини и сказал: «Да, у Челлини было много неприятностей в Риме
и в Милане, да и во Флоренции... Но ужели твой вкус тк высок, что
эту чашу ты уж и не
назовешь работой мас-
тера?»

Снисходительно
взглянув на чашу, я,
кланяясь, так и ответил:
«Государь мой, Бенве-
нуто, бесспорно, мас-
тер первостатейный, но
только в одном: деньги
выклянчиваешь».

Дивясь моим спра-
ведливым словам, гер-
цог Медичи отвел мне
и помещение, и сто
скудо в задаток рабо-
ты.

Я между тем уже и
придумал, как просла-
вить свое имя в этой,
надо сказать, скотской
Флоренции. В капелле
Барди стены расписаны
живописцем Джотто
Бондоле, чему уже
больше двух веков. Ра-
бота эта, в свое время
по причине тупости
иравов славная, ныне
смеха даже не достой-
на: фигуры как чурба-
ны, мрачные, как
скоты, тухлые цветом.

Так вот задумал я
эти фрески переписать
заново, неизмеримо лучшим манером.

Для того, наняв натурщицу, приступил я к рисованию картонов,
чтобы показав их герцогу, склонить его к переписанию названной
капеллы по-моему, в чем виден резон каждому скоту.

На первом картоне я стал изображать святую Терезу, и так, чтобы
моя работа ни в чем не походила на работу этой скотины Джотто. Я
рисовал святую Терезу с моей весьма недурной собой натурщицы —
дамы стройной, цветущей, с блестящими глазами, распущенными
волосами, в полупрозрачных одеждах, едва прикрывающих молодые
перси.

Работа моя пошла было медленно, так как я здоров и очень хорош
собой, и природа моя все время требует своего. Понятно, что я стал
принуждать натурщицу удовлетворять мою природную надобность;
но вместо того, чтобы принять это за великую честь для себя, мерзавка
так стала орать и сопротивляться, что я склонил ее к плотским утехам
с великим трудом. От этого скотского сопротивления я делался
взлохмачен и обессилен, и работа пошла через пень-колоду, так что
герцог уж и устал справляться о картинах через своего мерзавца
можордома.

На беду попал мой слуга Джулиано, прежде посылно помогавший
мне и в работе, и в обуздании стропивых натурщиц; наконец, славного
малого исподтишка пырнул ножом какой-нибудь рогоносца-
муж, потому что в честном бою мой слуга легко мог проткнуть любого
увальня обывателя.

(Продолжение в №5. Просьба подготовиться)

Александр ГОРЯЕВ

ХОРОШО КОМПАНОВАННЫЕ МЫСЛИ
(фрагменты)

Сон — он похож на театр. Мы игра-
ем во сне страшные роли (мне сни-
лось сегодня, что я убийца и должен
скрываться). Мы живаемся в них.

А как возник театр? Не из сна ли?
Как сложилось ремесло актера?..
Морфей.. Софокл... М.Б. действите-
льно, сон связан с искусством так
тесно, как призывал верить в это
З. Фрейд?

А. Филиппов: нельзя делать став-
ку на один магазин (с собой носит
литр самогону, а прикупает вино,
водочку — „на сейчас“).

„Африка“ — это роль. „Митя“ — это
роль.

Тот, кто имеет силу заблуждения
(„энергию заблуждения“ — гово-
рил Л.Н. Толстой) — имеет и силу
убеждения. Чем больше он заблуж-
дается, — тем сильнее убеждает.

Вот почему Церковь боролась
с лицедейством. В нем жизнь, кро-
ме скрытой жизни сна (некоторые
мысли, тайные поступки, преступ-
ления), наряжается еще и во внеш-
ность сна — люди вживаются в роли,
переряжаются, да м.б. они и стано-
вятся медведями? На время?

Карнавалом, маской, лицедей-
ством — сонная жизнь укрепляется
в своей сонности.

Поэтому дионисийства, шаманст-
во, колдовство, мистерия и должны
быть сметаемы Церковью Воинст-
вующей, дабы разрушать Царство
Сна, дабы утверждать Царство Бо-
жье!

Все отражается (как в зеркалах
— в калейдоскопе). Если один ведет
себя как скот, то и вокруг начинают
оскотиниваться беззащитные, а ес-
ли, напротив, один хорошо себя ве-
дет, то и вокруг в людях начинает
подниматься добро.

Не надо быть зеркалом зла.

Карточная система привела меня
к парадоксальной формуле: полная
свобода только в пределах рамок.

В сущности, это и есть свобода,
и так было всегда. Надо уметь быть
абсолютно свободным в пределах
рамок (жанра, например) ...Цыган
— не умеет. И „американец“ — не
умеет.

Нужно быть готовым ко всяким
ограничениям (вряд ли может быть
для нас пример живее, чем жизнь
Александра Солженицина...)

Этим мы отличаемся от „свобод-
ного мира“. „Свободный мир“ — для
обывателей. Наш мир — для избран-
ных.

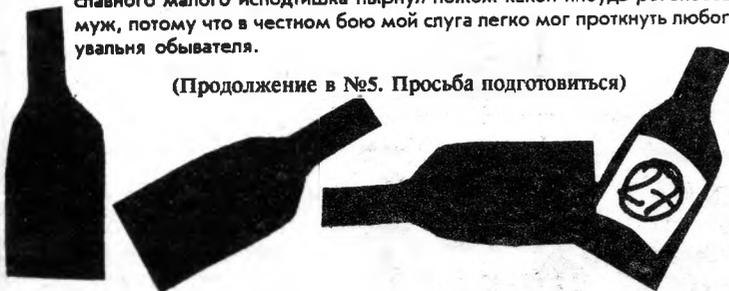
Но хотим ли мы быть избранны-
ми? Вот в чем вопрос!

Уход за растениями подобен за-
ботам о душах усопших. Так,
осквернив память своих отцов, мы
вслед погубили поля, леса, сады...

Человек действительно живет „не
хлебом единым“. И когда он тру-
дится духовно — ему довольно хлеба
и воды (— состав тела меняется).

РАБОТА МОЯ ПОШЛА
БЫЛО МЕДЛЕННО.....

Митыковская азбука

КОММЕНТАРИИ К ТОЛКОВОМУ БУКВАРЮ

В комментарий включены митьковские слова и выражения повышенной употребляемости на состояние к началу 1991 года. Выражения, исчерпывающе растолкованные в тексте «Митьков» или полностью совпадающие с общечеловеческим пониманием, не толкуются.

- А**
- АКВАРИУМ** — известный рок-ансамбль (худ. рук. Б.Гребенщиков).
  - АФРИКА** — известный капитан.
  - АКУЛА** — именно из фильма «Челюсти».
  - АЛЕГАТОР** — животное аллигатор. Нововведение в правописание взято из сильного текста рекламы видеосалона, который для ясности привожу полностью:
САЛОН ЗНАНИЕ
18.00 — Алегатор (ужас)
20.00 — Емануэль (секс)
  - А СЕМЬЮ МОЮ ТЫ КОРМИТЬ БУДЕШЬ?** (из «Зеркала для героя») — произносится с неподдельной горечью в ответ на просьбу одолжить рубль, карандаш, полиэтиленовый пакет и др.

- Б**
- БОТЫ** (из поэзии О.Григорьева) — обувь вообще.
  - БЛЯДЮШНИК** -почему-то безотносительно к корню этого слова — хорошее, часто посещаемое гостями помещение, например, мастерская митька. Для иллюстрации заявление: «В Художественный Фонд РСФСР. Прошу для дальнейшего упромысливания движения митьков выделить мне блядюшник».
  - БРЮССЕЛЬСКАЯ КАПУСТА** -бельгийские франки (капуста, как известно, деньги вообще).
  - БАБА ГОЛАЯ** — выражение, обязательно используемое А.Флоренским на художествах для описания своих художественных образов.
- В**
- ВАТНИК** — пальто, шуба, плащ или ватник.
  - В «АСТОРИИ» ПОУЖИНАЛ** (из «Места встречи») — объяснения по поводу безобразного внешнего вида или плохого самочувствия.
  - ВОЛЧИНА ПОЗОРНЫЙ** -ласковое обращение к собеседнику.

Учредители — художники группы "МИТЬКИ"
 Главный редактор — Василий ГОЛУБЕВ
 Ответственный редактор — Юрий МОЛОДКОВЕЦ
 Адрес: Санкт-Петербург, 192289, а/я 246

Тираж 2100 экз.

Спонсор ГП "ПОЛЭКС"
 Полиграфические и коммерческие услуги
 Тел.: 218-83-44, 218-83-12